Александр БОБРОВ

Книга – выше скандала

О 22-й книжной ярмарке Non/fiction

Международная книжная ярмарка интеллектуальной литературы была отложена в декабре прошлого года и перенесена на конец марта. За это время в книжном мире было, увы, не так уж много ярких событий, но в политическом мирке стряслись январские события с нарушениями санитарного режима сторонниками Навального, которые нежданно обернулись скандалом в преддверие 22-й ярмарки…

Несколько лет назад, когда специальным гостем мероприятия стало государство Израиль, организаторы выставки неожиданно отказали ранее приглашенному издательству «Алгоритм» без объяснения причин. Аккурат в год 10-летия издательства, которое специализируется на выпуске общественно-политической и мемуарно-документальной литературы, созданный незнамо кем «экспертный совет», принял решение отклонить заявку на участие издательства «Алгоритм» без всякого объяснения. Патриотическая пресса возмущалась, либералы ликовали. В 2018 году гендиректор другого издательства – «Книжный мир» Дмитрий Лобанов заявил, что общественный совет ярмарки Non/fiction, который он назвал «цензорным комитетом», находится под влиянием Ирины Прохоровой и не допускает издательство к участию в книжной ярмарке. Автор издательства Юрий Поляков сообщил, что патриотические силы пытались привлечь внимание к этой ситуации, «писали письма, материалы публиковали в «Литературной газете», однако это не помогло. «Но попробуйте тронуть журналиста либерального пула, начинается вой на всю Ойкумену. Этот двойной стандарт, он, конечно, чувствуется во всем», – добавил писатель. Вот и тронули, да не известного журналиста, а всего лишь начинающую писательницу – и что началось, Боже!

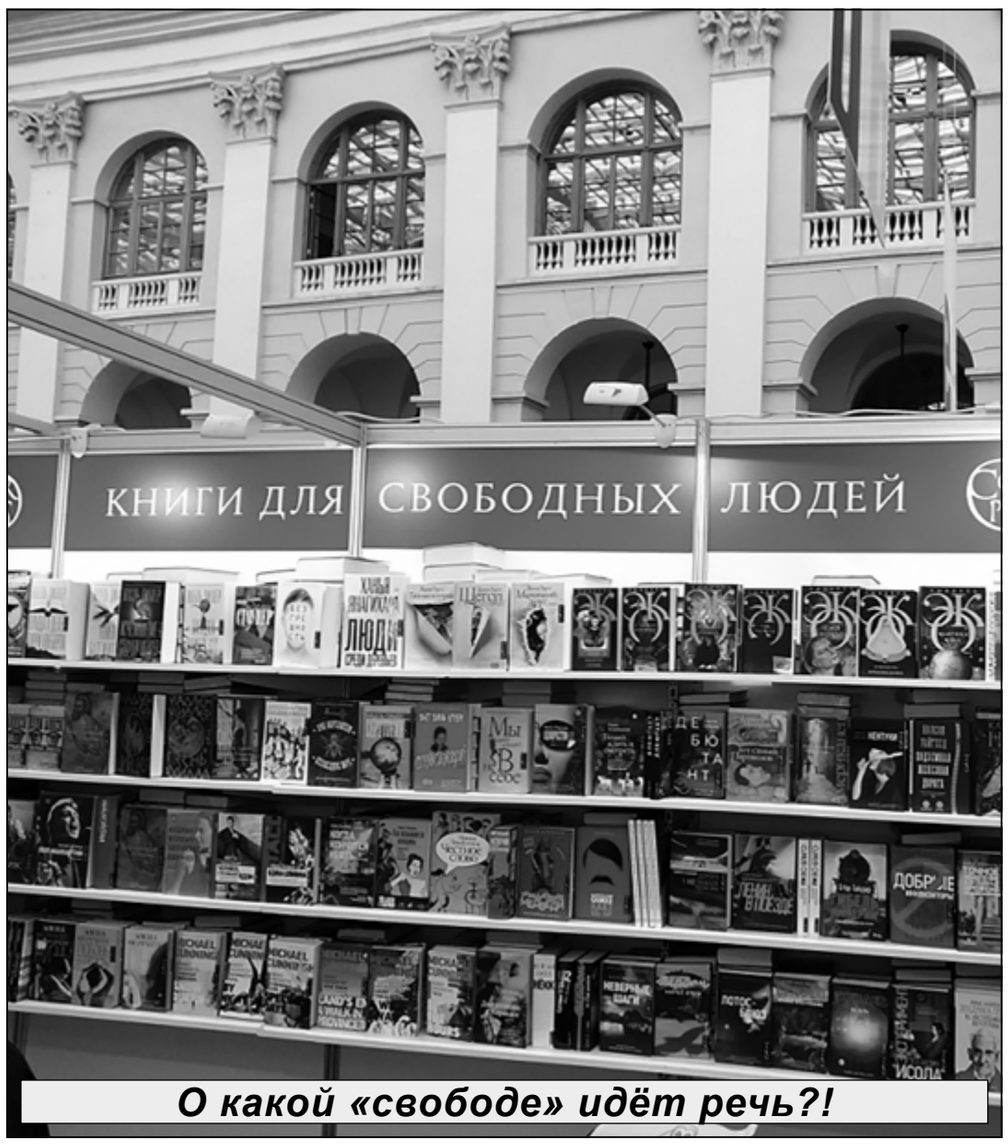
По всем соцсетям и в известном пуле СМИ от «Эха…» до «Дождя» понеслось: «Позор! Руководство книжной выставки-ярмарки Non/fiction отменило презентацию дебютного романа пресс-секретаря Алексея Навального Киры Ярмыш «Невероятные происшествия в женской камере №3». Главный редактор издательства Corpus Варвара Горностаева забила в колокол фейсбука, что руководство Non/fiction негласно попросило издательскую группу «Эксмо-АСТ», в которую входит Corpus, отменить презентацию книги Ярмыш: «Аргумент вечный: мы должны сохранить ярмарку любой ценой, а выступление на ней оппозиционеров, да еще пресс-секретаря Алексея Навального, ставит существование ярмарки, важной культурной институции, под угрозу», – плакалась Горностаева, отметив, что она выступала против отмены презентации.

А что это за презентация – без автора, который под домашним арестом? *Ноу-хай* какое-то! Напомним, что Ярмыш – одна из десяти фигурантов уголовного дела о подстрекательстве к нарушению санитарно-эпидемиологических правил, которое возбудили после акции протеста в поддержку Алексея Навального, прошедшей 23 января в Москве. По данным московских властей, в протестной акции участвовали 19 человек с коронавирусной инфекцией. Сама Ярмыш, вопреки здравому смыслу, назвала решение организаторов ярмарки трусливым актом цензуры. Но ведь она находится под домашним арестом! Благожелатели закричали: «А неважно! Пусть издатели на самой большой площадке в амфитеатре представят. Или адвокат…». А почему тогда не участковый или кто там надзирает?

Отметились и высказались самые *прогрессивные* силы. Кипятился Алексей Венедиктов: «Не понял. Варя пишет, что руководство ярмарки неформально обратилось к руководству Э-А («Эксмо-Аст» – *А.Б.*) с просьбой снять из программы презентацию. Мне надо формулировать запрос руководству Э-А. И руководству ярмарки!». Когда не допускали на ярмарку целые издательства, например, «Алгоритм» – все либералы молчали, приветствовали даже. А когда по известной немецкой притче, процитированной Татьяной Набатниковой (без начала, естественно: «когда нацисты пришли за евреями» – у нас-то никогда не придут): «пришли за ними, а не за коммунистами» – как вскинулись! А ведь в «Алгоритме», например, выходила книга Моти Ганапольского и других авторов «Эха». Чего ж Венедиктов горячие запросы не слал?

На этот мой публичный вопрос ответил вдруг Михаил Визель: «Г-н Ганапольский – ручной безобидный пи…бол с амплуа великого либерала. И при этом раскрученный коммерческий автор. Вам ли не знать…». Ну вот, и Мотя своё получил, правда, чего в нём коммерческого? – не знаю. А если серьёзно, повторяю: авторше из стана Навального продлили арест. Она и не может участвовать в презентации. Представление книги без автора я видел только во Франкфурте с переведённой книгой Солженицына, да и то автор потом, по-моему, приехал… А тут раздули! Есть стенд – ну, и рассказывай на нём про книгу силами издательства. Специально подошёл к огромной витрине «Эксмо-АСТ» и «Corpus»: книги на стенде нет как нет! «Раскупили», – неохотно ответили сотрудницы в чёрных майках. Или сами испугались продавать?

Кстати, задвинутый наконец-то галерист Марат Гельман выступил с глупейшей инициативой в своём духе: предложил напечатать футболки в поддержку Ярмыш и прийти в них на ярмарку. Поглядите на фото: посетителей немного, кто в пальто, кто в нарядном платье и вдруг появляются небритые Гельман с Венедиктовым в майке с неизвестной барышней на груди… Прогрессивные силы – стремительно деградируют, а бумеранги всё-таки – возвращаются. Писатель и преподаватель «Вышки» Олег Лекманов должен представлять странную книгу «„Жизнь прошла. А молодость длится…“. Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой „На берегах Невы“» (с кавычками да и смыслом не разберёшься!), но объявил об отказе от участия в ней – и назвал причиной этого решения ситуацию с книгой Ярмыш. Поглядим-проверим. Что-то мне не верится, что автор, ковырявшийся вокруг достаточно заурядных мемуаров «девочки с бантом», как звали Одоевцеву в студии Николя Гумилёва, откажется от коммерческого продвижения вторичного продукта.



О какой «свободе» идёт речь?!

Ну и другие, грозившие демаршами и превращениями своих презентаций в манифесты против цензуры – писатель Александр Архангельский, участник одного из лекториев ярмарки, политолог Кирилл Рогов, который призвал «действовать более решительно: противопоставить стратегии exit (неучастия) стратегию активного участия» – вряд ли огромную часть своего выступления посвятят не себе, любимому, а книге Киры Ярмыш и этому кейсу, как они выражаются. Посмотрим…

Ну вот, я и назвал уже нескольких участников книжной ярмарки, но она – огромное и пёстрое явление. Участвует 288 крупных и малых издательств из 19 стран. За пять дней до вечера воскресенья запланировано около 400 мероприятий, которые, надеюсь, отметут всю политиканскую пыль и станут культурным событием – представят разнообразную просветительскую и познавательную литературу, включая детскую. Каждый выберет книгу по душе и интересу. Например, издательство «Молодая гвардия» представит в преддверии 60-летия полета первого человека в космос новую книгу Льва Данилкина «Пассажир с детьми. Юрий Гагарин до и после 27 марта 1968 года». Издательство Директ-Медиа подготовило уникальный труд «Иностранная пресса о Красной армии в 1941-1945 гг.». Представленный материал позволяет проследить, как менялось отношение в странах мира к Советскому Союзу и Красной армии – от удивления, вызванного отчаянным сопротивлением и стойкостью наших войск в 1941 году, недоверчивой надежды после первых успехов в отражении гитлеровской агрессии, ярко вспыхнувшей после Сталинграда, и до устоявшейся неугасимой веры в мощь и силу Советского государства и его армии в победные месяцы 1945 года. Издательство «Центр книги Рудомино» предложило необычное подарочное издание комедии Николая Васильевича Гоголя «Ревизор» с изысканными иллюстрациями Михаила Федорова. В приложении приводятся две исключенные из пьесы сцены, письмо Гоголя, написанное вскоре после премьеры, и подборка отзывов современников на сценический и литературный успех «Ревизора».

Конечно, прорва переводной литературы на любой вкус, включая, кстати, и беллетристику, которой, по идее, не должно быть на такой выставке. Ну и непременно – блогерство, психоанализ, гендерные проблемы и бесконечная кулинария: этим ведь набито всё медийное пространство – книжный рынок откликается.

При входе стояла какая-то поэтесса со стопочкой своих книг, читала робко, но без перерыва, однако её никто не слушал, не останавливался, сборника не покупал, зато рядом раскинулся Ельцин-центр с шикарными изданиями, пустыми лозунгами и чёрными майками «Берегите Россию». Уберечь бы – с такой культурно-информационной политикой…

Василий ДВОРЦОВ

Нам нужна имперская история

Философия Родины и Жертвы

Герои образуют время. Герои олицетворяют время. Герои и есть время.

Неразрывность исторической памяти народа – непрекращающийся перечень своих героев, чьи имена как узелки на молитвенных чётках, с которыми народ предстоит Богу, творящему «присно с нами великая же и неисследованная, славная же и ужасная, их же несть числа». Кого же народ молитвенно поминает в своё оправдание перед Творцом, Царём и Судией? Только лишь тех, кто «витязь, храбрый воин, доблестный воитель, богатырь, чудо-воин»? Нет, конечно же, шире – «доблестный сподвижник вообще, в войне и в мире, самоотверженец» *(Толковый словарь живаго великорускаго языка В.И. Даля)*.

Само-отверженец… Самоотвержение вмещает, накрывает собой и подвиг ратника, и подвижничество инока, и надсаду оратая. Самоотверженность собирает всех лично, индивидуально, без разделения на сословия и землячества, национальности и верования, ибо самоотверженность есть изначальность, личностная способность, психозаданность конкретного человека на самоотдачу, на самопожертвование.

Жертвование собой. Жертва – чему? Кому? За что?.. «Наша философия должна быть философией Родины и Жертвы, а не какой-то там отвлечённой, головной и никому не нужной "теорией познания" или "учением о бытии или материи"» – в своём удивительном завещании русским философам Алексей Фёдорович Лосев жёстко спостулировал: «Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины – это и есть вечная жертва. <> Я многие годы провёл в заточении, гонении, удушении, и я, быть может, так и умру, никем не признанный и никому не нужный. Это жертва. Вся жизнь, всякая жизнь, жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха, на каждом шагу и в каждое мгновение, жизнь с её радостями и горем, с её счастьем и с её катастрофами есть жертва, жертва и жертва». И укрепил-утешил: «Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственно только и осмысливает жизнь. … В самом понятии и названии "жертва" слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое» *(А.Ф. Лосев, «Родина»)*. «Жертва» – «героическое».

Слова «подвиг» и «подвижничество» своей однокорнёвостью выводят на русское историческое понимание равенства жертвы «кровью» и «потом», и это жертвенное равенство жизни-смерти в сознании нашего народа свидетельствует о духовном его виденье феномена героизма. Духовном, то есть, если не отрицающим вовсе, то предельно принижающим значение материальных выгод от совершения подвига. Ведь, если не единственное, то главное в героизме – в кратком на поле боя или многолетнем в келье или лаборатории – победа над злом, над пороком и грехом.

Такое виденье есть результат тысячелетнего воцерковления Руси-России, тысячелетия христоподражания русских народов. Религиозность как личностного, так и общественного сознания, проверенная и утверждённая неимоверными искушениями и немыслимыми испытаниями, отразилась в оценочных канонах, в числе прочего безапелляционно выцеживающих жития из биографий. Из порой феерично ярких, перенасыщенных событиями судеб князей, воевод, зодчих, рударей, законодателей, словесников, первооткрывателей и первопроходцев народ безошибочно определяет – кто вправду является знаком-узелком на его молитвенных чётках, кого следует поминать в своё оправдание перед Творцом, Царём и Судией. Народ узнаёт героя даже под спудом юродства, узнаёт его в самом «неудачливом» и «неуспешном», в ребячливом и дурашливом, и самый дорогостоящий пиар не затемнит, не отведёт глаз народного сердца: жертвенность есть устремлённость к святости, её главный и неизменный образчик – крестный путь на Голгофу.

Темы подвига и героизма без устали разрабатываются философией, психологией, социологией, этикой и культурологией. И рассыпаясь на бесконечное число определений, исследователи, при всём, равно согласны, что понятие подвига и совершающего подвиг героя оценочно связаны с моралью, с убеждениями, идеалами конкретных культур в конкретные эпохи. Отсюда вопрос-проблема наследования национальной культуры при переменах этих самых эпох. Оставаться народом, нацией, нести цивилизацию через любые социальные, политические, технические и научные революции, экономические скачки и переломы, попадая под великие переселения и географические открытия, сохранять и развивать самобытность под прессом глобалистской унификации – проблема культурной самоидентификации, кроме прочего, связанная и с нарастающим объёмом знаний, в геометрической прогрессии накапливаемых каждым поколением. Как сосредоточить-сконцентрировать, во что сублимировать национальный опыт, в какие базовые элементы свести, оформить всё множащееся количество фактов, событий, открытий; что это за минимальные по объёму и максимальные по насыщенности информационные и одновременно идейно-эмоциональные блоки, которыми возможно продолжать национально-культурное домостроение?

Эти кирпичи-атомы, базовые элементы – образы. Эстетические и художественные образы устной и письменной литературы, наскальной и салонной живописи, колядки и кантаты, воплощающие общее в единичность, соединяющие чувственное и рациональное, эстетизирующие этическое, – образы в своей взрывной сверхконцентрированности содержания неизбежно герметически замкнутые внешне, закодированные символами конкретной культуры.

Образы можно определить как творчески отражённое возвращение платоновских идей-эйдосов в идейное поле истинного бытия после народного опыта их воплощения в мире чувственном. При этом являясь результатом авторского, личного творчества, образы, в отличие от головных тропов, – результат соработничества ума и сердца, плоды труда умного сердца. Образы, как и эйдосы, совершенно разновелики и разновесомы: образ золотого века и образ солярной круговерти, образ матери и образ прародины, образ отечественной войны и образ врага, образ справедливого отца-царя и образ героя эпохи строительства коммунизма – каждый запечатленный искусством образ запечатывается символом. Так что за пределами конкретной культурной традиции полноценное раскрытие символов-образов практически невозможно, они есть память конкретного народа, в них самобытность нации, самобытие цивилизации.

Как бы мы ни восхищались величием южноамериканских ступенчатых пирамид, цветовой гаммой вавилонских и египетских фресок, анатомичностью античной скульптуры и изыском китайских рисунков – то лишь профанное скольжение в чувстве общей гармонии «золотого сечения» и «цветовых треугольников». Художественно оформленные в образы смыслы и чувства впечатляются в генетическую память: культура так же влияет на генетику, как и климат, как и образ кочевой или оседлой жизни, и богатство или бедность хранимого народом мелоса свидетельствует о его, народа, древности или молодости. Беда, когда на переломах эпох сам народ теряет ключи понимания к собственным образным кодам, когда по злой воле и собственной беспечности он обрывает свою художественную традицию культурного воспроизводства и амнезирует, не узнавая свою историю. Так литературный процесс – процесс национального самосознания – не должен прерываться ни в одном поколении: нация непрестанно формируется языком и форматируется литературой. Обрыв – и второй шанс невероятен.

Если катастрофическое пресечение национального самобытия имеет себе оправдательную редкость вселенских катаклизмов, то постепенная и постоянная (!) утрата кодовых культурных ключей должна быть подсудной. Общество строит своё государство, как нация свою церковь, посему государственная ответственность – внешняя и внутренняя защита территорий и населения, экономическая стабильность и социальная справедливость согласно общественной морали, которую государство и поддерживает как базовую основу самосохранения. Но, как показывает опыт, сохранение национальных культурных кодов государству лучше не доверять: слишком оно изменчиво, слишком зависимо от тактических интересов внешней политики, подчинено экономическим превратностям политики внутренней, а ещё время от времени власть предреволюционно вступает в конфликт со своим народом, меняя или раздваивая мораль. Надёжное владение кодами-ключами от фундаментальных образов национальной памяти – функция сверхответственная, то есть – религиозная. Культура – реализация культа, и только церковь способна – и потому обязана – отвечать за всеобщую, всеобъёмную доступность памяти нации для нации. Люблю цитировать явно не клерикала Николая Бердяева *(«Воля к жизни и воля к культуре»)*: «Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль – все заключено органически целостно в церковном культе, в форме ещё не развёрнутой и не дифференцированной».

Понятно, что хранение ключей – не владение амбарами, и мы здесь говорим не о материальных носителях культуры – о музейных ансамблях, о собраниях живописи и библиотеках, о концертных залах и исторических парках. И мы говорим о церкви не как о мистическом единении верующих, не о Церкви-организме – теле Христовом, а о церкви-организации – мы говорим о социальном институте, в силу своей природной, принципиальной консервативности, идейной статичности имеющем возможность поддерживать мосты понимания через два-три-пять-восемь и более столетий. При этом неколебимость религиозного мировоззрения распахивает двери не только в смыслы и чувства средневековья, она единственно даёт правильную возможность вводить в эту непрерывность долгой памяти и современность. И, прежде иного, не столь давние героические события, образы которых оказались в неожиданной, немыслимой ещё тридцать лет назад нечитаемости, нераскрываемости при живых участниках и свидетелях.

Так сегодня только традиционно-религиозное осмысление трагедийности Великой Отечественной (как первым её в июне 1941 года назвал митрополит Сергий) войны с её гекатомбами народных жертв может вывести нашу национальную мысль из ловушки, построенной русофобами для материалистического сознания. Материалистическое сознание не видит, не читает, не раскрывает образ непредставимо гигантских потерь от фашистской агрессии как общенародную духовную жертву своей Родине («Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна»), и потому неизбежно скатывается к трактовке миллионов, миллионов и миллионов погибших в боях, в плену, в рабстве, под бомбами, от ран, болезней и голода – как некоей числовой мере выгоды или невыгоды свершённого народами СССР подвига. Для материалистического сознания, выпавшего из ограничений (и, таким образом, защиты) советской идеологии, лишённого опоры на советскую мораль, уже совсем не видится подлости, мерзости всё более активно внедряемой либералами мысли о том, что Россия слишком дёшево отдала столько жизней своих солдат, детей, матерей, не получив достаточного хабара. «Разного рода писаки, испорченные дурными книгами, неизученной наукой и обнаглевшей жизнью, учили нас о любви в бранных выражениях. Бескорыстная любовь всегда находила для себя осмеяние, презрение, издевательство у людей "науки", "культуры", "цивилизации". Какое это подлое вырожденство, какой духовный и социальный развал, какое ничтожество и слабоумие!» *(А.Ф. Лосев, «Родина»)*. Об этом же у А.С. Панарина *(«Страхи властвующих как фактор стратегической нестабильности»)*: «Наша реакция на очередной "обман века" может быть смоделирована по двум разным законам: политического реализма и мистического парадоксализма. Но следует сразу же оговориться, что *политический реализм, оторванный от нашей мистико-мессианской традиции, неотвратимо вырождается в капитулянтство* (курсив мой – В.Д.) перед "реальной силой"». Увы, ловушка сработала, и ответно материалисты-патриоты начали с калькуляторами в руках всерьёз спорить с материалистами-либералами о том, сколько с какой стороны было убито и покалечено, какая промышленность была обрушена, какие контрибуции способны были бы окупить оплаченное и утраченное.

Для нерелигиозного сознания образ Великой Победы никогда не сможет быть раскрыт, никогда не будет развёрнут как образ Православной Пасхи. И потому-то атеисту закрыт истинный смысл Крестных страданий России. Более того, нерелигиозное сознание никогда не поймёт своей моральной обречённости после недолгого идейно-пассионарного энтузиазма общественного богоборчества «покорения природы» угасать и распыляться в пошлость-подлость «выгод», «благополучия» и «успешности» в «обстоятельствах». Ибо атеистическая мораль заземлённо, приземлённо приспособленческая, и раньше или позже она оправдательно адаптируется хоть под военный коммунизм, хоть под развитой социализм, хоть под дикий капитализм. Этой своей привязанностью, поклонением духу времени общественная мораль периодически входит в конфликт с личной совестью – непреложным голосом вечности, и порождает цинизм. Если правы филологи и психологи, и понятие «совесть» не существует за пределами русского языка и русского сознания, то как кому объяснить, почему мы, русские, не можем зарабатывать, искать прибытка на памяти пережитого геноцида по примеру пропагандистов холокоста. Ответ торговцам и менялам списков убитых во Второй мировой – наш Бессмертный полк.

Итак. Художественные образы своего времени – базовые элементы национальной памяти, запечатаны символикой национальной культуры. Культура – реализация культа, поэтому ключи к пониманию символов, к смысловому и чувственному раскрытию образов нация хранит в своей религии. Для атеистического сознания эти ключи к смыслам и чувствам пережитого народом теряются с каждым изменением государственной идеологии и обслуживающей идеологию морали. И последнее уточнение о морали: кроме личной совести, напоминающей о личной вечности и призывающей к оценке собственной деятельности и всего окружающего с точки зрения вечности, наши мысли и поведение коррелируют не только общепринятая мораль, но и, если мы религиозны, – страх Божий. «Начало премудрости страх Господень» – без этого высшего страха человек подчинён страхам низшим. Как же меня в своё время поразили слова святого Амвросия Медиоланского: «Если кто боится Бога, тот уклоняется от заблуждений и направляет стези свои на путь добродетели. Если же кто не боится Бога, то не может отказаться от греха». *Не может* отказаться.

Прошлое в нас. Прошлое – это мы, творящие будущее. Чем больше в человеке прошлого – прошлого нации и государства, прошлого церкви и культуры, прошлого семьи и рода, да соединённого с личным опытом, тем он сильнее, рассудительнее и милостивее. Полномерная, целомудренная, могутная и добродетельная – развитая до святости личность есть вершинная цель нации, её идея. И эта идея изначальна, она до- нации, пред- нацией, она есть высшая, главная её первозадача, промысел её породивший, ведь «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» *(Владимир Сергеевич Соловьёв, «Русская идея»)*.

Воспитанием, образованием, созиданием личности занимаются и семья, и улица, и сословие, и государство, и церковь. Ну, и враги – враги семьи, государства, церкви. Страшнейший удар «русская идея» получила в 19 веке, когда элитарное воспитание Российской Империи оказалось если не под контролем иезуитов, то под сильным их влиянием. Пригретые Екатериной взамен на признание орденом раздела Польши 1772 года, что отсрочило фронду магнатов против Российского престола, иезуиты пережили папские общеевропейские запреты в Беларуси, а при Павле активно стали осваивать Россию при помощи учебных заведений и гувернёрства. В 50-е годы XIX века протоиерей Иоанн Рождественский писал: «Уж если бороться с иезуитами, так… с интриг секретных внутри России. Лукавый дух у нас гнездится везде, от канцелярии Синода до бурятской кибитки, и всюду приносит плоды…». Плоды просвещения. Образования. Точнее – воспитания.

Когда в 1707 году Общество Иисуса открыло в московской Немецкой слободе свою первую школу, в неё стали принимать мальчиков не только из слободских католических семей. Юные Апраксины, Лопухины, Головины обучались в ней геометрии, астрономии, латинскому и немецкому языкам, химии и другим европейским премудростям. И потому выросли совершенно искренними адептами петровских революций. Что, впрочем, в своё время не помешало Петру Алексеевичу иезуитов, уличённых в проавстрийских интригах, изгнать и школу закрыть. Одним петровым махом.

Элитное светское образование – главная канализация иезуитов во внутреннюю жизнь государства и народа, на территории которых они оказались. С последующим на эти государства и народы орденским влиянием. И конечной их, государств и народов, перестройкой под нужды Ордена. Пусть «идеальное» государство-карцер в Парагвае остаётся опытом Запада, но свои уроки заучили и славяне: что было с Польским королевством и Литовским великим княжеством при Батории, что случилось с Хорватией в начале двадцатого века, и что теперь происходит на Украине.

Именно с подачи иезуитов наша историография приобрела и закрепила скепсис по отношению к государствообразующей роли православия, заложив конфликт несхождения в фокус виденья национальных героев элитой и народом. Выученик И.Шадена и И.Шварца, сам преподававший в иезуитском колледже аббата Николя, Николай Михайлович Карамзин о Ермаке *(«История государства Российского»)*: «Это таинственная и мрачная личность, одним именем своим внушавшая ужас, был человеком без роду и племени. Ни один народ не может нести за него какой-либо нравственной ответственности». Именно «благодаря» иезуитам в первой четверти девятнадцатого века в российской исторической науке сложилась парадигма, в которой даже монархист Карамзин, а уж тем более последовавшие за ним либерал-демократы Костомаров, Соловьёв, Ключевский рассматривали историю России исключительно с материалистической точки зрения – с позиций обязательного для всего человечества культурного и технического прогресса.

Парадокс, но русские историки буквально развивали иезуитскую ненависть к православию «византійско-татарскаго государства, въ которомъ религія была только орудіемъ для ни передъ чѣмъ не останавливающагося деспотизма» *(Станислав Заленский, «Общества Іисуса»)*. Какие бы движущие силы истории не брались – великие князья или сословия, племена или ландшафты, производственные отношения или брачно-военные союзы, – логика российских событий упорно пространивалась вне доминанты русской жизни – православия. То есть, жадность, зависть, страх и секс – исторически оправданные мотивации, а любовь к Богу и любовь к ближнему – бред.

Отказ в приоритете религиозных убеждений для принятия судьбоносных решений государственными деятелями был перенесён с царей на героев войн и трудов, и всенародная религиозная рефлексия на нашествие антихриста и жертвование собой во имя изгнания лжецаря оставлялась «простому» «неразвитому» сословию. Естественно, эта атеистическая установка была радостно подхвачена и продолжена в советский период, один только Сергей Бахрушин отработал так, что даже для домохозяек стало «само собой»: Иоанн Васильевич Грозный – сумасшедший упырь, его сын Фёдор Иоаннович – слабоумный, Павел Петрович – просто дурак, а Николай Александрович – безвольный подкаблучник. А уж как в этом уверены профессора, режиссёры и библиотекари!

Ещё момент: образ народного героя, то есть, героя абсолютного с религиозной точки зрения, – образ развитой до святости личности, всегда неудобен для политического использования, ибо политика рекрутирует земными, прагматическими целями. И потому политизация российского общества за последние двести лет все эти двести лет активно провоцирует искажения восприятия исторических образов.

(Полная версия – на сайте)